

Джеймс с любопытством посмотрел на Гарри и спросил: — Ты хоть представляешь, почему Гермиона вот так утащила Лили?

Гарри колебался секунду, но покачал головой. "Нет. Совсем ничего. Ты?" Гарри стало холодно, как будто ледяная вода текла в его венах, медленно охлаждая его.

Сириус не купился на это. — Нет. Но она убежала после того, как поговорила с тобой несколько секунд, а это значит, что ты, наверное, знаешь. И я хочу сказать тебе сейчас. Отойди. Она...

Он запнулся, увидев взгляд Гарри. Джеймс и Ремус обменялись взглядами, затем пожали плечами. Если бы Сириус действительно хотел пойти туда, ему бы позволили, а в конце сказали: «Я же говорил».

Гарри смотрел на Сириуса. «Она моя. А я ее. Не ошибитесь, Гермиона моя до того дня, пока она не скажет, что это не так. Тогда это ее выбор, и я буду всем сердцем его поддерживать. Понял?»

Сириус просто выглядел побежденным. — Да. Но я действительно не хочу.

Гарри строго посмотрел на него. "Но ты делаешь."

Сириус кивнул. «Но я уважаю. Я буду уважать решения Гермионы».

Гарри улыбнулся. "Хорошо. Теперь ты хочешь вернуться внутрь? Здесь довольно холодно."

Остальные мальчики согласились и вернулись в замок, чтобы попытаться выследить девочек.

Гермиона потащила Лили на кухню в таком раздражении, что Лили даже не спросила о причине. Она и раньше видела Гермиону в таком настроении, хотя и не столь суровом. Обычно виноват был либо Джеймс, либо Сириус, но он никогда не спрашивал, почему.

Однако, когда Гермиона начала щекотать грушу на картине, Лили начала беспокоиться о том, что сделал ее сын, чтобы привести девушку в такое настроение. К ним подошли услужливые эльфы, которые интересовались, не хотят ли они чего-нибудь, от чая до обеда из двенадцати блюд. Девочки сели за небольшой столик, который им предоставили, и жевали несколько лепешек.

Лили с опаской вздохнула, затем начала осторожно говорить. — Гермиона? О чем это было? Гермиона застонала, злобно откусив лепешку.

«Это о том симпатичном идиоте, в которого я влюблена. Он... ну, ему придется принять важное

решение. Это ознаменует его превращение из подростка в мужчину, если он сделает правильный выбор. Если он этого не сделает, это докажет тем, кто его знает, что он совсем не идеализированная версия своего отца, о которой он слышал всю свою жизнь». Это оставило Лили в таком же, если не большем, замешательстве, чем раньше.

«Ну, решение не может быть таким уж плохим, верно? Я имею в виду, что это не жизнь и не смерть или что-то еще», — сказала она, голос становился все тише и тише, когда она заметила выражение лица своей подруги. Девушка выглядела меланхоличной, как будто в ее душе отпечатались линии тысячи печалей, затмившие лицо. Ее глаза казались такими, какими они были до прихода Гарри, наполненными демонами, которыми семнадцатилетний ребенок не имел права обладать.

Гермиона только покачала головой, словно в оцепенении. «Конечно. Жизнь и смерть...» она оборвала себя, по-прежнему глядя в пространство. — Если вы извините меня... я...

— Иди, Гермиона, — мягко сказала Лили, наградив ее рассеянной улыбкой. Она смотрела, как Гермиона бродила по кухне, уходя и направляясь туда, куда бы она ни пошла, когда была в таком настроении.

— Мисс закончила? — спросил крошечный эльф, дрожа ушами.

— Да, спасибо. Как тебя зовут? Несмотря на то, что ее попытки освободить эльфов на четвертом курсе потерпели неудачу, ей все равно нравилось знакомиться с эльфами Хогвартса. С тех пор, как она отказалась от дела, ей нужно подтверждение от каждого встреченного эльфа, что они счастливы.

— Либби, мисс. Мисси Мини тоже закончила? Лили подавила смех, услышав прозвище Гермионы.

«Да, Гермиона закончила. Она никогда не ест много». Либби печально кивнула.

«Да, я знаю. Мисси Мини слишком худая. Она больна внутри.

Лили ухватила за шанс. — Что Гермионе нужно, Либби?

Домовой эльф натянул ей уши, пристально глядя на Лили. — Ты обещаешь не рассказывать Мисси Мини?

Лили охотно согласилась, ожидая, что Либби заговорит. — Обещаю, Либби. Что нужно Гермионе?

Либби наклонилась, что-то шепча. — Мисси Мини нужны поцелуи и любовь. Ей нужны дети, — кивнул домовый эльф. «Мисси Мини нужны дети, чтобы снова сделать ее счастливой. А Мисси

нужны друзья. Я знаю такую девушку, как Мисси. Моя старая госпожа до того, как она умерла и я приехал в Хогвартс. Мисси Мини нужны дети и Мастер Поттер. у той, у которой красивые глаза. Ей нужен хорошенький мастер Поттер, чтобы рожать детей». Либби закончила кивать. В мире домовика все решалось либо едой, либо детьми. Поскольку Мисси Мини не хотела еды, она должна была хотеть детей.

Лили откинулась назад, пытаясь сдержать смех. Это было так похоже на то, как домашний эльф предлагает детям решить проблему. — Спасибо, Либби. Я расскажу Гермионе о предложенном вами средстве. Но не могли бы вы сделать мне одолжение?

Почти через двадцать минут Лили нашла Гарри сидящим на подоконнике лицом к окну. Он смотрел на заснеженное озеро. Это было то самое окно, за которым сидела Гермиона, когда встретила Северуса Снейпа в этом измерении...

"Гарри?" Увидев запыхавшуюся мать (подругу?) и направляющуюся к нему, было достаточно, чтобы вырвать его из мыслей.

— Лили! Ты знаешь, где я могу найти Гермиону? Его надежды возродились на несколько драгоценных секунд, прежде чем рыжие волосы развевались, когда Лили покачала головой.

"Нет. Но я знаю, что она расстроена, и я знаю, что ты собираешься делать. Ты найдешь ее, скажешь ей, какое бы решение ты ни принял, надеешься, черт возьми, что принял правильное решение, а потом скажешь ей, что устроил романтический пикник для вас двоих. Потом ты вернешься в Башню, чтобы я помог ей подготовиться, и ты возьмешь ее на пикник». Лили улыбнулась ему, и Гарри улыбнулся в ответ.

Он повернулся, чтобы пойти искать Гермиону, но обернулся. — Где пикник, Лили? — спросил он, краснея.

«В том, что домашние эльфы называли Комнатой Приходи и Уходи. Они сказали, что ты знаешь, где она находится». Лили ухмыльнулась. — Что бы вы, мальчики, делали без меня?

Гарри лишь усмехнулся в ответ. — Спасибо, — крикнул он через плечо и побежал по коридору к тому единственному месту, где, как он знал, должна была быть Гермиона.

Раньше он понятия не имел, что будет делать, когда найдет ее. Он думал, что она злится на него и, вероятно, собирается проклясть его. По крайней мере, теперь у него был план.

Прогулка до библиотеки заняла всего несколько минут при той скорости, с которой он шел. Если бы вы вошли в библиотеку Хогвартса, во всех направлениях были бы стопки и стопки книг. В самом конце Библиотеки было большое сиденье у окна, выходившее на Запретный лес. Это было любимое место учебы Гермионы и одно из ее любимых мест для занятий. Он знал, что найдет ее там, смотрящую на территорию.

Все было именно так, как он и подозревал, когда шел к задней части Библиотеки. Гермиона была там, свернувшись калачиком на подоконнике, подтянув колени и высоко подняв подбородок, изо всех сил пытаясь не дать слезам брызнуть из ее очень влажных глаз.

Он молча подошел и сел напротив нее, просто ожидая, пока она посмотрит на него. Потребовалось несколько мгновений, но первой заговорила Гермиона.

"Что ты сделал?" Однако она по-прежнему отказывалась смотреть на него. Если она снова взглянет в эти изумрудные глаза, она разрушит свои стены.

— Ничего. Они ничего не знают о крысе. Наконец, мучительно медленно, она встретила с ним взглядом.

"Спасибо."

"Конечно."

Они сидели в тишине еще несколько мгновений, прежде чем Гарри заговорил. — Ты действительно думал, что я им скажу?

Гермиона покачала головой. — Нет. Но я не был уверен.

"Почему?" Она снова посмотрела на Леса, и Гарри чуть не выругался в отчаянии.

«Потому что я не знаю тебя так хорошо, как раньше. Потому что я пропустил месяцы твоей жизни». Голос у нее был тихий и звучал испуганно. Гарри слегка застонал и притянул ее к себе, развернув ее и обняв руками, положив подбородок ей на голову.

«Миона. Я тоже пропустил месяцы твоей жизни. Я не знаю о тебе все до единой, как раньше. Но я все еще знаю достаточно. Люди меняются. Я изменился, ты изменилась. те же люди внутри, что и мы, когда нам было одиннадцать, и мы побеждали троллей. Или тринадцать, и мы спасали каторжников. Гермиона, я люблю тебя и доверяю тебе. Если ты не хочешь, чтобы я что-то делал, просто скажи мне. Не делай этого. Гермиона Джейн Грейнджер, я доверил и доверю тебе свою жизнь. Если ты думаешь, что я собираюсь принять неправильное решение, скажи мне. Я усвоил урок в Департаменте Тайн. Гарри надеялся, что она поймет. Его сердце разрывалось от мысли, что она больше не захочет его. Одна только эта мысль заставила его сжать ее крепче.

Он вздохнул с облегчением, когда почувствовал, как она расслабилась на его груди. Его руки были на ее животе, и он чувствовал, когда она отпускала напряжение. Он почувствовал, как она двигается под ним, и поднял голову, чтобы она могла повернуться.

Его встретили беззащитные карие глаза, уставившиеся на него снизу вверх. "Обещать?"

Он был в замешательстве. — Обещать что?

— Обещай, что будешь любить меня вечно? Жар пробежал по его телу, и он попытался показать это в глазах.

«Обещаю. Я буду любить тебя, Гермиона Джейн Грейнджер, вечно и всегда». Гарри улыбнулся ей, и она улыбнулась ему, побуждая его поцеловать ее. Поцелуй был сладким и медленным, подтверждением любви. Когда они, наконец, разошлись, Гарри встал, все еще держа Гермиону в своих руках.

— Не окажете ли вы мне услугу ужина в Комнате Требований сегодня вечером, Миледи? — сказал он, взмахивая луком.

Гермиона вместо того, чтобы шлепнуть его по руке (как он и ожидал), просто прикрикнула и ответила: «Конечно, милорд».

Взявшись за руки, они отправились в гостиную, чтобы Гермиона могла стать идеальной с помощью безупречной кисти Лили.

Гермиона сидела на кровати Лили, закрыв глаза, когда старшая девочка тянула и дергала ее за волосы. Они «готовились» около получаса, Лили выбирала одежду Гермионы и быстро оценивала девушку, прежде чем указать на душевые. После десятиминутного душа Лили высушила волосы Гермионы и нанесла макияж, прежде чем всерьез заняться гривой кудрей девушки.

"Французская коса или вытянутая назад?" Гермионе потребовалось всего мгновение, чтобы принять решение. Гарри сказал, что ему нравятся ее волосы...

"Вытащил обратно." Разговор немного затянулся, пока Лили не пересказала небольшую часть своего разговора с Либби.

«Я волновался, как и домашние эльфы. Я разговаривал с одной, и она сказала, что вам нужны дети. Это ее идея, не моя!» Лили собиралась еще больше подразнить Гермиону, но замолчала, когда увидела грустное выражение лица подруги.

Потребовалось еще десять минут, чтобы Лили сочла Гермиону идеальной. На ней было серебристое платье без рукавов с низким вырезом на спине, обтягивающее ее изгибы и ниспадающее на пол. Лили заплела две пряди волос, стянув их назад заколдованными прочными заколками-невидимками. Две пряди соединялись на затылке и скреплялись заколкой в форме серебряной розы, усыпанной бриллиантами. Это был подарок Лили, подаренный ей родителями на ее шестнадцатилетие. Лили в последний раз дернула клипсу, а затем отступила назад, чтобы позволить девушке полюбоваться собой в зеркале.

— Гермиона, ты прекрасно выглядишь. А теперь спускайся вниз и покажи Гарри! Лили сбежала по лестнице первой, Сотворив Гарри серебряную розу для петлицы. На нем был строгий смокинг, одна из многих вещей «на всякий случай», которые они с Гермионой купили накануне. С нетерпением он повернулся лицом к лестнице. Выражение его лица, когда Гермиона спустилась, было изумленным и счастливым. Он улыбнулся и пошел к лестнице, чтобы помочь ей сделать несколько последних шагов, закрутив ее, когда она достигла подножия.

«Ты выглядишь совершенно великолепно», — прошептал он ей на ухо, отстраняясь, чтобы посмотреть ей в глаза, прежде чем поцеловать ее. Слишком рано он отстранился, предлагая ей руку. Она согласилась, и, поблагодарив мальчиков и Лили за помощь в подготовке, они отправились в Комнату.

Либби ждала их, очень рада помочь им на свидании. Она открыла им дверь, густо покраснев от похвал и благодарностей, которые ей дали Гарри и Гермиона.

Комната была украшена красиво. Она превратилась в большую комнату с маленьким серебряным столом и двумя стульями. В остальной части комнаты был танцпол среднего размера, а в небольшой секции было пианино и несколько очаровательных музыкальных инструментов. Две маленькие стеклянные двери вели на балкон. Потолок комнаты был расписан небесными сценами, ангелами и херувимами, которые возвышались над огромной богато украшенной люстрой. Комната напомнила Гермионе бальный зал из фильма «Красавица и чудовище».

Гарри улыбнулся вместе с ней и подвел ее к столу. — Миледи, — сказал он, отодвигая для нее стул. Она улыбнулась в знак благодарности, и он подошел к другой стороне стола. Первым блюдом был легкий суп, нежно приправленный зеленью.

Следующим был салат, потом мясо, потом, наконец, десерт.

Домашние эльфы превзошли себя на десерт. Это была настоящая красавица, сахарная копия Хогвартса. Всего около фута высотой, это была идеальная копия Хогвартса и территории. Запретный лес был сделан из шоколада, замок из сахара, озеро из растопленного белого шоколада, окрашенного в синий цвет. Там были крошечные копии некоторых учеников и учителей, а также некоторых существ. Присутствовала хижина Хагрида, а также сахарные окна, из которых открывался кабинет Дамблдора. Это было почти слишком красиво, чтобы есть.

Однако, как и всем хорошим вещам, замку вскоре пришел очень неприятный конец. Еда кончилась, двое насытились, и невидимый оркестр заиграл.

Пара провела остаток ночи, танцуя вместе, кружась в объятиях друг друга. Гермиона представляла собой серебряное видение, ее глаза сверкали, а волосы развевались веером позади нее, когда ее напарник крутил ее.

С другой стороны, Гарри был таким, каким, по мнению Гермионы, должен выглядеть идеальный мужчина. Зеленые глаза щелкали, жадно следя за одетой в серебро фигурой Гермионы, пока они танцевали под музыку, которую играли зачарованные струны. Они прекратили танцевать только тогда, когда напольные часы, которые раньше оставались незамеченными, пробили час.

Гарри сделал паузу, и Гермиона последовала его примеру. Они посмотрели друг другу в глаза и ухмыльнулись.

«Счастливого Рождества, Миона».

«Счастливого Рождества, Гарри».

Обмен праздничными поздравлениями привел к небольшому поцелую, за которым последовал еще один небольшой поцелуй, а затем еще один. Гарри собирался поцеловаться еще раз, когда комната вокруг них зашевелилась.

Теперь они были в небольшой комнате, уютной, с камином и большим диваном. Они увидели открытую маленькую дверь, которая вела в спальню с одной кроватью. Гостиная была оформлена в красных и золотых тонах, с деревянной мебелью. Костер весело потрескивал, в единственное окно показывался снег, падающий за окном, а два похотливых подростка смотрели друг на друга голодными глазами.

Потребовалось всего мгновение, чтобы они снова врезались друг в друга, но Гермиона застонала и отпрянула. «Одну секунду. Мне нужно снять это платье. Дайте мне несколько минут, чтобы кое-что трансфигурировать, и я скоро вернусь». Она прошла в спальню и огляделась в поисках материала. Ей пришлось использовать свою собственную одежду, в основном потому, что вещи в комнате были чистой магией. Вскоре ее комбинезон разорвали пополам и превратили в пару хлопчатобумажных штанов и рубашку. Рубашка была довольно тесной на груди, как она недооценила. Она немного подумала, а потом решила так и оставить. В любом случае материал был нужен больше для штанов.

Пока ее не было, Гарри решил сделать то же самое, сбросив с себя формальную одежду и сшил себе пару брюк и рубашку на пуговицах, укоротив рукава. Он только пожал плечами, когда Гермиона снова вошла в комнату.

Она казалась потрясенной и стояла неподвижно около тридцати секунд. Гарри воспользовался ее вчерашними словами, ухмыльнувшись и весело сказав: — Нравится то, что ты видишь?

Это вызвало желаемую реакцию, украв румянец у девушки. Она подошла к нему, остановившись всего в дюйме от его груди. Гарри почувствовал, как у него перехватило дыхание, когда она взглянула из-под ресниц, странно застенчивая.

— Очень даже, — прошептала она, легко проводя кончиками пальцев по его обнаженной груди.

Он вздрогнул, и она наклонилась вперед и обняла его. Она не в первый раз видела Гарри без рубашки, но впервые это имело для нее такое значение. Это была ее грудь. Никто другой не имел права прикасаться к нему. Не Чо. Не Джинни. Никто, кроме нее.

Гарри поднял ее подбородок, чтобы видеть ее глаза. Без просьбы она обвила руками его шею, прижимаясь к его губам. Он побрился, поэтому щетина не раздражала ее кожу. Это сделало ее необъяснимо счастливой, что она может быть счастлива из-за того, что ее парень не бреется. Его поцелуи были электрическими, обостряя все ее чувства. Она чувствовала себя такой живой, когда была с ним. Она не чувствовала себя такой счастливой уже несколько месяцев, если не лет. У нее был Гарри Поттер только для нее, и она хотела от него совсем немного, которую только могла получить.

Она едва заметила, когда они подошли к дивану, и Гарри потянул ее на себя. Они целовались, и его руки были на ее бедрах, и они начали подниматься вверх...

Гарри потерялся в ощущениях: вес Гермионы над ним, ее губы на его губах, ее руки на его лице, на его шее, на его руках. Он держал ее тоже за себя, руки на ее бедрах, лаская плоть, плоть, которая была покрыта этой тонкой тканью. Он не знал, что на него нашло, но его руки двигались (вверх?), и одним быстрым движением он оказался сверху, и его и...

— Гарри, остановись.

Эти слова, сказанные испуганным и робким голосом, немедленно привлекли его внимание. Он скатился с нее, позволив ей сесть на подлокотник дивана и подтянуть ноги, обхватив их руками. — Гермиона? Гермиона, ты...

Она издала звук, который звучал опасно близко к рыданию. «Нет. Я боюсь».

Гарри, не зная, что делать, протянул руку и схватил ее за руку. - Чего? Мы ничего не должны делать, если ты не хочешь, Миона.

Гермиона бросилась к нему, обняв его за грудь. Он обнял ее в ответ, и в его голове пронеслись различные сценарии. Однако он продолжал гладить руку Гермионы, приглаживать ее волосы и целовать в макушку. Она перестала плакать только через несколько минут.

— Извини. Ты, должно быть, думаешь, что я такой... — Гарри мог видеть, что если он не прекратит это сейчас, она будет корить себя несколько дней.

«Гермиона. Скажи мне, чего ты боишься». Большие влажные глаза смотрели ему в глаза. Он ненавидел то, что видел там страх.

«Что ты знаешь, что делаешь, а я нет. Что я недостаточно опытен для тебя. Что тебе нужен кто-то постарше, покрасивее, с большим опытом. коснется ее груди!» Она начала тихим

голосом, но закончила горьким криком.

— Что тебе нужен кто-то, кого не коснутся ветры времени и кузни войны. Или что тебе нужен кто-то красивый и опытный, как Чоу, или кто-то веселый и популярный, как Джинни.

Гарри захотелось рассмеяться, но он подавил смех из уважения к Гермионе. «Я хочу тебя. Мне все равно, если у тебя нет «опыта», который есть у других девушек. Забудь об этом. Это заставило Гермиону хихикнуть, поэтому Гарри позволил себе легкую улыбку. «Гермиона, ты заметила, что Джинни выглядит как уродливая копия моей мамы? Все всегда будут сравнивать нас с ними. И Гермиона, если мне придется каждый день говорить тебе, что ты самая красивая женщина, внутри и снаружи, которые я встречал и когда-либо встречу, я встречу. И я был выкован в кузнях войны и разрушен ветрами времени. Я не хотел бы никого, кто не прошел через то же, что и я. ... И это сужает список до вас или Рона.

Он позволил своему голосу замолчать, и Гермиона еще раз тихонько усмехнулась. — Спасибо, Гарри. Просто...

— Я знаю, — сказал он дрогнувшим голосом. И он знал. Он уже слышал эту фразу или что-то в этом роде.

Его беспокоило, что она будет обеспокоена тем, что он сделал с другими девушками. На их свидании она сказала, что он был таким же новичком в этом деле, как и он сам. Он понял, что это означает крепкое поцелуй и ласку. Но оказалось, что он ошибался. Но он ждал ее так долго. И он бы ждал его целую вечность, если бы ему пришлось.

"Гарри?" Голос Гермионы наконец-то стал расслабленным и, может быть, даже счастливым. Он был доволен, и ему было немного любопытно, что она хотела спросить.

— Да, Миона?

«Вы думали о том, что произойдет, когда мы вернемся? Летом?»

Гарри помолчал с минуту. «Ага. Я выйду за тебя замуж, и тогда мы собираемся шокировать к чертям душных старых чистокровных, набрав как можно больше лохматых, зеленоглазых, пугающе блестящих игроков в квиддич, прежде чем ты проклянешь мне яйца. Я собираюсь получить работу в Министерстве, и ты будешь делать все, что захочешь. Мы будем счастливы, и мы будем довольны. Ты никогда ни в чем не будешь нуждаться, и наши дети превратят МакГонагалл в седые волосы, шокируя бедного профессора Флитвика за десять лет роста. Тогда эти дети получают самые высокие баллы за свои СОВ и ТРИТОНЫ, чем кто-либо со времен их матери».

Гермиона сидела молча, потрясенная невероятным благоговением. — Ты действительно хочешь семью?

Реакция Гарри была мгновенной. — Да. Я всегда хотел семью. Но если ты не хочешь детей, тогда мы можем быть только вдвоем...

«Нет. Я хочу детей. Я хочу иметь наших детей, Гарри». Они просто лежали друг в друге, каждый думал о своей мысли. Гарри думал о том, как будет выглядеть беременная Гермиона, а Гермиона представляла, как Гарри укачивает маленького ребенка. Оба были очень довольны своим воображением.

Некоторое время они сидели молча, утешаясь тем, что были в объятиях друг друга и что они вместе. Это было Рождество, и они были счастливы.

Однако было уже поздно, и им нужно было вернуться в свои кровати или, по крайней мере, на диван в гостиной. Им потребовалось всего полчаса, чтобы переодеться и вернуться в Гриффиндорскую башню. Они расстались усталым поцелуем, прежде чем подняться в спальню мальчика и девочки.

В три часа ночи Гарри спустился в гостиную. Он совсем не удивился тому, что Гермиона тоже была там, и с облегчением посмотрели на двоих, свернувшись калачиком, чтобы хорошенько поспать.

<http://tl.rulate.ru/book/79341/2397800>